

Н.Я. Марр

О.А. Волошина
(Москва, Россия)

«Яфетические переживания» Н.Я. Марра

Аннотация: В статье рассматривается роль учения Н.Я. Марра о языке в контексте развития отечественной лингвистики XX века. Автор анализирует принципы «нового учения об языке» Н.Я. Марра, предложенный им метод этимологического и семантического анализа, новую концепцию классификации языков. Автор рассматривает разрушительное влияние теории Марра на отечественную лингвистику первой половины XX века.

Ключевые слова: Н.Я. Марр и его «новое учение об языке», язык и мышление, яфетические языки

О.А. Voloshina
(Moscow, Russia)

“Japhetic Experiences” of Nikolay Marr

Abstract: The article deals with the role of Marr’s linguistic theory in the context of the development of Russian linguistics in the 20th century. The author analyzes the principles of the “new doctrine about language” by Marr, his method of etymological and semantic analysis, new concept of classification of languages. The author considers the negative influence of Marr’s theory on the development of Russian linguistics in the first half of the 20th century.

Key words: Nikolay Marr, “new doctrine about language”, language and thought, japhetic languages

Имя академика Николая Яковлевича Марра, – по словам его ученика В.И. Абаева, «если не самое знаменитое, то самое шумное имя в истории советской науки», – по моим наблюдениям, неизвестно студентам филологического факультета. Если кто-то и слышал о Марре, то лишь как о шарлатане, об авантюристе в науке, деятельность которого можно оценить как ряд бесконечных ошибок и чудовищных заблуждений. Что именно «плохого» сделал Марр отечественной науке, студенты не знают, самые начитанные добавляют, что идеи Марра были фан-

тастическими, нелепыми и вряд ли могли прийти в голову нормальному человеку. Почему же тогда эти идеи существенно повлияли на отечественное языкознание, получили необыкновенный резонанс, были подхвачены сторонниками (среди которых было немало серьезных ученых), почему Марру удалось перевернуть отечественное языкознание, зачеркнув старую науку и провозгласив единственно правильным свое «новое учение об языке», которому суждено было главенствовать несколько десятилетий, – период, определенный как мрачная страница в истории отечественной науки о языке – «марризм» или «сумерки лингвистики».

Писать о Н.Я. Марре трудно, ведь триумф учения и шумное его разоблачение давно стали достоянием истории, участники тех далеких событий свидетельствуют, что понять феномен Марра можно только в контексте революционной эпохи – времени масштабных преобразований, поистине грандиозных надежд и фантастических гипотез. Нам же, далеким от тех событий, остается лишь читать работы самого Н.Я. Марра¹, выступления его последователей и оппонентов², воспоминания современников³ и учитывать оценку его деятельности в трудах историков языкознания⁴.

Неправильно думать, что Марр был выскочкой, получившим признание невежественной толпы лишь после революции: звание академика было присвоено Марру вполне заслуженно по инициативе выдающихся ученых-востоковедов Академии Наук Российской империи, однако заслуги Марра относились не к области лингвистики (лингвистического образования Марр не получил), а к области филологии и археологии. Достаточно упомянуть, что именно Марр возглавлял раскопки Ани – древней столицы Армении. В результате масштабной археологической деятельности Марру стали доступны некоторые редкие памятники древнеармянской письменности, которые сам Марр прокомментировал, подготовил к изданию и опубликовал. Результатом его путешествий на Афон и Синай стала публикация обнаруженных в армяно-григорианских и православных монастырях неизвестных науке древнегрузинских рукописей, анализ которых позволил Марру сделать несколько важных наблюдений относительно древнеармянской и древнегрузинской филологии. И первые лингвистические работы Марра были весьма удачными, ведь ученый не выходил за рамки хорошо известного ему лингвисти-

¹ Чтение работ Марра вызывает двойственное впечатление: удивляет грандиозность поставленных задач и незначительность (зачастую полное отсутствие) доказательств, тех фактов, на которых базируются утверждения и целые гипотезы. Непонятно, как можно было верить его словам, но и не поверить, кажется, было невозможно, так как масштабность заявленной цели поражает воображение, завораживает. Зачаровывает способность Марра оперировать самыми разными фактами многочисленных языков, соединять несоединимое (например, пытаться объяснить строение языка через общественно-экономические формации и т. п.), возникает аналогия с пламенной речью Остапа Бендера «Стремитесь в Васюки!», произнесенной в шахматном клубе перед «любителями острых шахматных ощущений». Современники Марра, его ученики и коллеги говорили о чудовищной разнице между устными выступлениями Марра и его печатными работами: живая речь Марра завораживала, сама фигура воодушевленного оратора убеждала, магнетически действовала на слушателей, а письменные тексты теряли это свойство, предполагаемая структурированность письменного текста выявляла отсутствие логики, доказательной базы, последовательности изложения и убедительной силы выводов.

² Например, выступление Е.Д. Поливанова «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория» в Коммунистической академии в 1929 г.

³ См. замечательную статью В.И. Абаева, воспоминания О. Фрейденберг и К.Д. Дондуа (список работ в конце нашей статьи).

⁴ Например, статья В.М. Алпатова «Громовержец (Н.Я. Марр)» (см.: *Алпатов В.М. Языковеды, востоковеды, историки. М.: Языки славянских культур. 2012. С. 9–30).*

ческого материала и работал в той области, где практически не имел конкурентов, – исследование кавказских языков (например, Марру принадлежит первая грамматика родственного грузинскому лазского языка, грамматика древнеармянского языка и др.). Однако очень скоро Марру стало тесно в рамках армяно-грузинской филологии и кавказоведения, его широкая натура жаждала грандиозных теоретических построений, обобщения необъятного фактического материала. А в русле общественно-политической ситуации начала XX в. – революционных преобразований и переворотов в общественной жизни и в науке – новаторские идеи Марра-борца получили огромный резонанс.

Поверхностно знакомый с современной ему лингвистикой, Марр обладал талантом замечать недостатки и пробелы в лингвистических учениях, понимал ограниченность применения методов, разработанных на конкретном языковом материале. Кипучая натура Марра требовала решительной перестройки (одно из любимых слов Марра) старой науки. Поскольку лингвистика не могла дать ответа на многие вопросы, интересовавшие Марра, он предложил со свойственной ему решимостью комплексно подходить к решению вопроса, привлекая данные других наук: археологии, фольклористики, литературоведения, культурологии и др. В результате такого подхода некоторые лингвистические выводы приходилось подгонять или «увязывать» (еще одно любимое слово Марра) с данными других наук. Все это рождало произвол научных построений, потому что при желании «увязать» можно что угодно с чем угодно, а по части «увязки» и убеждения в истинности такой «архитектоники» появлялись причудливые научные гипотезы, зачаровывавшие своей масштабностью, смелостью и бездоказательностью.

Как известно, основной лингвистической парадигмой конца XIX – начала XX в. было сравнительно-историческое языкознание, в центре внимания которого изучение исторического развития родственных языков. Это развитие рассматривалось как результат дивергенции (дробления) некогда единого праязыка. Важным достижением сравнительно-исторического языкознания был метод реконструкции общего языкового состояния (праязыка), метод фиксации постепенных языковых изменений, признание их регулярного и обязательного характера, т. е. формулировка языковых законов. Однако подобного рода закономерные изменения четко были сформулированы на материале фонетики (речь идет о звуковых или фонетических законах¹), а вот семантика или синтаксис были той областью, где трудно (или даже невозможно) было сформулировать законы развития, которые были справедливы только для определенной семьи языков. Ведь семантика и синтаксис опираются на законы человеческого мышления, психологии говорящих, поэтому часто универсальны, справедливы для любого языка независимо от его генетической принадлежности². Получалось, таким образом, что главным достижением сравнительно-исторического языкознания было выявление методики доказательства языкового родства на материале фонетических законов (регулярных изменений звуков родственных языков). Критикуя индоевропейскую компаративистику, Марр писал: «От нового сравнительного метода остались рожки да ножки, преимущественно его техника, выработанная наблюдениями над внешностью явлений, что привело к бессмыслице, исключительному

¹ Например, известный закон Раска-Гримма о германском передвижении согласных, закон о палатализации задненебных согласных в языках *satəm* и т. п.

² Безусловно, закономерности развития синтаксических структур родственных языков могут быть установлены, однако эта работа требует нового материала (сопоставления с синтаксическими структурами языков других семей), новых методов и более глубокого анализа материала.

развитию учения о формальной стороне речи» [Марр 1936: 179]. В центре внимания лингвистов оказывалась фонетика, а именно изменения звуков. Это была та область, в которой языковедение как наука могло доказать свои положения, однако самые главные для человеческой коммуникации области – семантика и синтаксис – оказывались вне поля зрения науки о языке. Марр был далеко не первый, кто заговорил об ограниченности рассматриваемого материала, методов и выводов современной науки. Сами компаративисты (тем более их оппоненты) неоднократно подчеркивали ограниченность и метода, и поставленных задач. В частности, Н. Крушевский, ученик И.А. Бодуэна де Куртенэ, писал о том, что лингвистика конца XIX – начала XX в. не есть наука о языке, поскольку не изучает язык, его происхождение, законы развития и функционирования, – она лишь «стремится вскрыть взаимное родство языков ариоевропейской семьи и восстановить как ариоевропейский праязык, так и праязыки отдельных семейств (славянской, германской...)» [Крушевский 1998: 71].

Пытаясь найти выход из создавшегося положения, некоторые лингвисты, такие как И.А. Бодуэн де Куртенэ, Г. Шухардт и др., выдвинули формулировку законов, касающихся морфологии или семантики (например, закон Бодуэна о переразложении основ в пользу окончаний), однако подобного рода наблюдения требовали включения в лингвистический аппарат методов других наук, в частности психологии. У Марра идея о совместной работе самых разных наук о человеке, о комплексном подходе к решению сугубо лингвистических задач приобретает колоссальный размах. С одной стороны, это, конечно, важно и справедливо, однако при таком подходе нужно четко понимать сферу действия и доказательную базу каждой науки и не пытаться объяснить тип языка определенной культурой керамики или захоронений, т. е. грубо «увязать» лингвистику и археологию.

Другой важной идеей Марра явилась та, что языки развиваются не только путем дивергенции, но и конвергенции, т. е. помимо дробления некогда общего праязыка языки путем взаимного влияния друг на друга могут объединяться в новый общий язык. Эта идея опять не была новой для науки о языке: о языковом смешении писали и И.А. Бодуэн де Куртенэ¹, и Г. Шухардт², и Н.С. Трубецкой³ и мн. др. Однако Марр (как часто случалось) заявил о «перевороте» в науке, превратив свою идею о непрерывном и глубоком смешении самых разных языков в движущую силу глоттогонического процесса и важнейший принцип языковой эволюции.

Традиционная компаративистика не устраивала Марра не только признанием исключительно дивергентного языкового развития, но и по другим пунктам. В частности, исторически сложилось так, что в центре изысканий специалистов по сравнительно-историческому языковедению с самого начала была индоевропейская (или, как говорили в начале XIX в., индогерманская) семья языков. В этом не было созна-

¹ В результате языкового смешения, т. е. сильного влияния языков друг на друга, по мнению Бодуэна де Куртенэ, язык может не только приобретать огромное количество заимствованной лексики, но и кардинально менять свою грамматику, приобретать некоторые черты несвойственного ему языкового типа. Этому процессу была посвящена диссертация Бодуэна де Куртенэ «Опыт фонетики резьянских говоров» и мн. др. работы.

² Знаменитый диссидент индоевропеистики австрийский лингвист Гуго Шухардт также рассматривал языковое влияние как мощный стимул развития языка. Он одним из первых в мировой науке о языке специально занимался креольскими языками, считая этот материал ярким примером языкового смешения.

³ В статье «Мысли об индоевропейской проблеме» Н.С. Трубецкой прямо заявлял о том, что языки мира являются результатом не только дивергентного, но и конвергентного развития, что активно влияют друг на друга не только родственные языки (входящие в одну языковую семью), но и неродственные, образуя в результате языковой союз.

тельного ущемления языков других семей или отсутствия к ним интереса; дело в том, что в то время именно индоевропейские языки оказались наиболее хорошо изучены и представлены огромным количеством письменных памятников, что позволяло проследить историю развития этих языков (речь идет в первую очередь о классических древних языках – латинском и греческом, о германских и романских языках, о санскрите и т. п.). Методика, сформулированная на материале одной языковой семьи, легко могла быть перенесена на другой лингвистический материал, в этом смысле индоевропейские языки были как бы опытной площадкой, на которой разрабатывались методика и теория сравнительно-исторического языкознания в целом. Однако Марр усмотрел в пристрастии ученых к индоевропейской семье попытку игнорировать языки других языковых семей, своего рода дискриминацию якобы «неудобных» компаративистам-индоевропеистам языков. Марр стал горячо протестовать против «расовой дискриминации», обвиняя буржуазных ученых (и вся компаративистика стала рассматриваться им как буржуазная наука в противоположность новому учению о языке, возникшему и торжествовавшему в Советской России) в расизме, поскольку, по его мнению, ученые напрямую связывали индоевропейские языки с «высшей» расой индоевропейцев. На самом деле ни один ученый-компаративист не признавал расового характера языкового типа и языковой семьи.

Отличительной чертой характера Марра была страстность, ревность и бескомпромиссность, что влияло и на профессиональную деятельность ученого. Замечая «несправедливость», Марр тут же кидался на защиту совершенно фантастических предположений. Например, еще будучи студентом, Марр попытался доказать родство родного ему грузинского языка с семитскими языками. Эта тема касалась давнего спора компаративистов о родстве семитских языков с другими языками, в частности, с индоевропейской семьей. В рамках традиционной компаративистики грузинский язык не принимался во внимание, так как его родство с индоевропейскими языками было отвергнуто наукой еще после неудачной работы Франца Боппа об индоевропейско-картвельском родстве. Таким образом, грузинский язык выпал из поля зрения серьезных ученых, ведь все внимание было приковано к языкам индоевропейским. Марра глубоко оскорбляло такое положение вещей, он стремился найти родному языку «приличного» (т. е. знатного и известного) родственника. Таким родственником он предложил считать семитские языки – языки богатой и древней культурной традиции. Доказательством своей гипотезы Марр не был особенно озабочен, поэтому большинству ученых высказанное предположение не показалось убедительным.

В дальнейшем Марр продолжал подбирать «родственников» родному грузинскому языку по принципу «что плохо лежит» – объединял в одну семью с грузинским те языки, родственные связи которых представляли проблему для ученых: баскский язык, нерасшифрованный язык этрусков, малоизвестный пеласгский язык и т. п. Нужно было придумать название новой семье языков, причем такое, чтобы сразу определить место этой семьи в генеалогической классификации языков мира. Марр выбрал название «яфетические языки». Вот как пишет о выборе термина сам Марр: «Раз имена Сима и Хама были закреплены за определенными группами языков, Хама за хамитическими языками, родство которых с семитическими в науке уже признавалось и тогда, то из имен трех братьев, Сима, Хама и Яфета, оставалось лишь одно, чтобы именовать новых кавказских родственников семитической семьи, и они были названы по Яфету» [Марр 1936: 182]. Однако яфетических языков было найдено мало, и все они не шли ни в какое сравнение с индоевропейскими и семит-

скими языками – языками великой культуры, многовековой письменной традиции. Чтобы «поднять престиж» любимых яфетических языков, Марр обращается к доисторическим временам, к глубокому прошлому, отстаивая главенствующее положение яфетических языков до прихода индоевропейцев в Евразию. Яфетические языки как свидетельство о великом прошлом нашей цивилизации – эта идея становится важной для теории Марра, который именно в туманном прошлом чувствует себя теперь как рыба в воде: это то пространство, где он может выдвигать любые теории, жонглировать огромным количеством фактов, подгоняя их под уже готовые теоретические схемы, не опасаясь разоблачения, потому что наука часто оказывается бессильной в темноте минувших тысячелетий.

Стоит заметить, что, выдвигая гипотезу о яфетических языках как особой семье, Марр оставался еще в рамках традиционного сравнительно-исторического языкознания: он пытался доказывать родство яфетических языков, опираясь на фонетические законы (скорее, на вольную интерпретацию этих законов). Хотя, вопреки всем правилам и методам строгой компаративистики, Марр не утруждал себя созданием исторической грамматики яфетических языков, формулировкой строгих фонетических законов, вместо которых предлагались лишь произвольные указания перехода звуков и изменения семантики слов.

Однако вскоре и этого Марру оказывается мало – на смену яфетической семье приходит «новое учение об языке»¹.

Воодушевленный масштабными преобразованиями политической, социальной и экономической жизни нашей страны после революции 1917 г., Марр предлагает считать яфетические языки определенной стадией общезыкового развития. Так возникает знаменитая стадильная гипотеза языкового развития², согласно которой все языки мира проходят в своем развитии определенные стадии, одна из первых, восходящая к глубокой древности, – яфетическая. Марр пишет: «Как в мире растительном существуют пережиточные виды, открываемые натуралистами в отброшенных от культурных районов или центров горных местах, так в ущельях и у склонов трех горных стран: 1) с юга Памира, 2) на Кавказе, 3) у Пиренеев – сохранились реликтовые виды человеческой речи, представляющие пережитки языков доисторического населения Европы, более того – с известных эпох, весьма древних – языков населения всей Афреазии. Это в Средней Азии на Памире – вершицкий язык, заброшенный среди иранских, на Западе у Пиренеев... – баски, на Кавказе же во множестве сохранившиеся народы и племена, не относимые ни к индоевропейской, ни к семитической, ни к турецкой семье» [Марр 1936: 182].

Поскольку яфетические языки – предшествующая стадия развития всех мировых языков, в любом языке (и семитском, и индоевропейским, и тюркском и т. п.) можно найти архаические яфетические черты. В работах Марра начинается лихорадочный поиск яфетических элементов в словах любого языка, в этом Марру нет равных: обладая силой убеждения, он, как фокусник, может найти яфетический элемент в любом слове любого языка.

¹ По словам В.И. Абаева: «Впечатление слабой аргументированности и произвольности от построений Марра все более возрастает, по мере того как ученый все дальше отходит от той области, где он был суверенным хозяином: грузинской и армянской филологии. Если там все строилось на фактическом материале, то с течением времени мы все меньше видим упрямых фактов и все больше – упрямого автора» [Абаев 2006: 91].

² И здесь Марр также не является пионером: стадильная теория языкового развития была предложена в середине XIX в. еще Августом Шлейхером, горячо обсуждалась и была отвергнута учеными как бездоказательная и, следовательно, ненаучная.

Марр предполагает наличие в древнейшем языке «диффузных звуков» – нерасчлененных звуковых комплексов. Отдельные членораздельные звуки – гласные и согласные – позднее явление, первоначально существовали «диффузные комплексы» – фонетические и семантические первоэлементы, получившие позднее различное звуковое выражение в разных языках мира. Марр пишет: «Элементов всего-навсего четыре. Объяснение их числа приходится искать в среде возникновения, технике входившего в состав коллективного магического действия пения. Первичное диффузное произношение¹ каждого из четырех элементов, как единого цельного диффузного звука, пока не выяснено. Нам эти четыре элемента доступны в многочисленных закономерных разновидностях, их которых для четырех элементов выбраны как условное наименование четыре их формы, по одной для каждого элемента: сал, бер, йон, рош, что указывается латинскими буквами в порядке их перечня А = сал, В = бер, С = йон, D = рош. Выбор сделан по созвучию с известными племенными названиями, в состав которых они входят без изменения или с позднейшим частичным перерождением, именно «сар-мат» – сал (А), «и-бер» – бер (В), «ион-яне» – йон (С), «эт-руск» – рош (D)» [Марр 2001: 181]. Эти элементы могли выступать в различной огласовке: «Примером разновидностей элемента А является: sal, or, ur, tal, dog, dal и т. п.» (цит. по [Быковский 1933: 33]). Разнообразные фонетические варианты предлагались и для других элементов. Никаких обоснований того, почему именно такие звуковые формы характерны для тех или иных элементов, не приводилось. Поэтому любое слово могло «разлагаться» посредством «палеонтологического анализа» на части, произвольно связываемые с исходными элементами. Таким образом, любой текст на любом языке представляет собой различные комбинации этих четырех элементов – именно эта структурная общность и обуславливает единство глоттогонического процесса.

Очевидно, что обосновать наличие именно четырех элементов Марр не мог; доказать существование подобных «диффузных» комплексов, из которых впоследствии были созданы ВСЕ слова ВСЕХ языков мира, тоже не было возможности. Как говорил критик Марра, известный лингвист Е.Д. Поливанов, основы этого учения нельзя доказать и проверить, их нужно было принять на веру.

Итак, по мнению Марра, в любом языке существуют «одноэлементные» слова, которые представляют собой довольно свободную фонетическую и семантическую модификацию исходных элементов, позднее образуются «скрещенные, двухэлементные» слова. Задача лингвиста – при помощи «палеонтологического анализа» вскрыть состав любого слова, возведя его к четырем элементам, установив, как считал Марр, исходную семантику этого слова. Чтобы «палеонтологический анализ» выглядел более научно, не возникало впечатления произвольного изменения звуков, Марр предлагает собственные «звуковые законы», вводя технические обозначения звуковых переходов: «↗ подъем, → становление тем, что у острия» и т. п. Например, ш → j значит: ш переходит в j; однако введение технических символов неспособно было избавить «фонетические законы» Марра

¹ Диффузное произношение – это значит не дифференцированное, не отчетливое. Диффузные звуки «не произносились с достаточной ясностью, звучали неопределенно. Следы древнейших первоначальных диффузных звуков еще до сих пор сохранились в качестве пережитков в языках некоторых народов, стоящих на относительно низкой ступени развития. К ним относятся щелкающие, каркающие и цокающие звуки, например, готтентотского языка... Переходной ступенью являются так называемые аффрикаты, которые не представляют собой еще вполне дифференцированных звуков, но относятся уже к членораздельной речи» (цит. по [Быковский 1933: 32–33]). Создается впечатление, что звуки готтентотского языка не относятся к членораздельной речи.

от полного произвола, так как это всего лишь способ технического обозначения изменений звуков, целиком порожденных фантазией их автора. Звуковые переходы проходили по-разному в различных группах яфетических языков. Марр писал: «Языки яфетические делятся на ветви сибилантную и спирантную, в свою очередь, сибилантная ветвь – на группы свистящую и шипящую, а спирантная – на группы длительную и прерывистую» [Марр 2001: 182]. Никаких пояснений относительно данной классификации дано не было – это положение также нужно было принять на веру. В результате такого подхода Марр породил огромное количество «новых» фантастических этимологий. Например: «При таких перспективах, вскрытых новым учением благодаря палеонтологии речи, углубляется сама сравнительная грамматика, формальный сравнительный метод осложняется учетом истории материальной культуры; так, например, греч. *balan-os* «желудь» и лат. *pan-is* «хлеб», восходящий формально к архетипу **palan*, оказываются родственными, причем оба слова являются скрещенными из двух элементов В (*pal-bal*) и С (*-an*); в значении же «хлеба» сохраняется один первый элемент по закономерным разновидностям окающей (шипящей) группы *rig* у грузин и экающей (спирантной) ветви *ber* + *l-b* у готтентотов» [Марр 2001: 183].

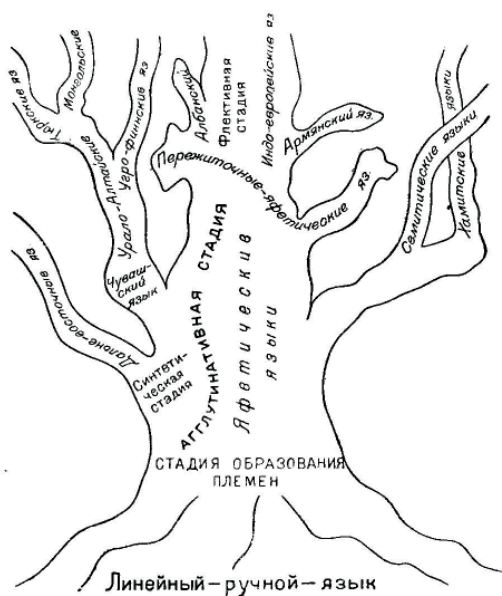
Этимологии Марра всегда фантастичны, но некоторые поражают воображение попыткой сопоставить несопоставимое, «увязать» этимологии с культурой, фольклором, мифологией, социально-экономическим укладом конкретного народа. Например, в работе «Яфетические зори на украинском хуторе (Бабушкины сказки о Свинье Красном Солнышке)» Марр «увязывает» в палеонтологическом анализе слова «Бог» и «свинья» (!): «Ведь русский “бог” (←*bor-g* – основа грузинского глагола *bor* + *g-va* “бесноваться” **bor-d*) одно и то же слово, но различных эпох стадияльного осмысления, и с нем. “*Bro-d*” “хлеб” (сюда же брет. *bar-a* ←**bar-han* и франц. “*ble*” с его характерным эканием), и с лат. “*rog* + *s-us*” “свинья”» [Марр 2001: 243]. Такую же связь Марр демонстрирует другой этимологией, «вскрытой палеонтологическим анализом»: «связь “свинья”, как культового существа, в увязке тотемных предметов одного и того же «племени», точнее, определенной производственно-социальной группировки, уже не скифско-кельтского, а рошского объединения, выплывает в укр. “*роха*” “свинья” (отсюда “*рох*” “хрюканье свиньи”, “*рохкати*” “хрюкать”, “*рохкания*” “хрюкание”), а *roq* (←*rok*) →*rok* ведь это означало “солнце”, resp. “небесенок”» [Марр 2001: 232]. В контексте идеи Марра об обожествлении тотемных животных¹ эта «увязка» может показаться оправданной, однако сам Марр понимает, что наука еще не готова к принятию такого «революционного учения». Он пишет: «Ясно, что нам в самом деле ничего не остается, как прервать наши бабушкины сказки о Свинье Красном Солнышке в ожидании более зрелой аудитории. Но придет ли она? Конечно, да, однако едва ли из академических Назаретов; только бы терпения... Яфетическая теория со всем ее страшилищем, новым учением об языке, не зверь, в лес не убежит» [Марр 2001: 272].

Затем Марр идет еще дальше – он пытается «увязать» стадии языкового развития с определенными этапами социального и экономического устройства общества. Эту «органическую увязку языка с материальной культурой» Марр демонстрировал анализом значений слов, именно семантику поставив в центр лингвистических изыска-

¹ Палеонтологический анализ слова «Русь», по мнению Марра, указывает на формальное и семантическое тождество со словом «конь», что дает возможность утверждать, что «в национальном имени русских мы имеем след давнего прошлого, эпохи тотемизма, когда в числе других тотемных объединений была группа “коня”».

ний. Четыре элемента, представляющие собой диффузные выкрики, – это названия древних племен, другие важнейшие слова – названия обожествлявшихся тотемных животных и т. п. Яфетическая стадия «увязывалась» с доисторическим прошлым человечества, а индоевропейские языки (прометеидские¹) – это эпоха обработки металла. Однако подобные рассуждения у Марра носили фрагментарный характер, полной картины последовательной смены исторических периодов и свойственной им системы языка Марр не предложил. «С эпохами, для которых фактов имелось достаточно, ему всегда было трудно; он, например, связывая стадии с формациями, сумел ни разу ничего не сказать, чему в строе языка соответствует феодализм и капитализм. Зато в “доистории” было, где разгуляться» [Алпатов 2012: 20].

Отрицая традиционную компаративистику и предлагая взамен совершенно новое «учение об языке», Марр постоянно полемизирует с буржуазными учеными-компаративистами. Это касается не только представления о родстве языков, которое для Марра есть не генеалогическая общность, а «социальное схождение», не только звуковых законов, но и картинки родословного древа родственных языков. Поскольку родословное древо А. Шлейхера представляло развитие родственных языков как процесс постоянной дивергенции (дробления), Марр его принять не мог. Для Марра, как уже было сказано, скрещение, взаимное влияние языков друг на друга представлялись более существенным для языкового развития процессом. Кроме того, Марр

замахнулся на отражение в виде древа не отдельной языковой семьи, а всех языков мира. Поэтому древо Марра выросло в гигантское, и не очень понятное самому автору образование. Именно поэтому Марр постоянно дерево перерисовывал и комментировал. В работе «О происхождении языка» оно выглядит так:

Корни древа, разрастающиеся и уходящие в землю, – это множество племенных языков, еще не звуковых, а «ручных» или «линейных». Далее не очень понятно выделяются три стадии на стволе древа: синтетическая стадия, продолжением которой является ветвь дальневосточных языков, и агглютинативная стадия, параллельно которой расположены яфетические языки.

Правомерно ли отнести яфетические языки к агглютинативной стадии, остается непонятным. Выше идет флективная стадия, параллельная индоевропейским языкам. Армянскому и албанскому языкам на древе отводится особое место: Марр считает их «гибридными», т. е. переходными от яфетического типа к индоевропейскому. Чувашский также, по его мнению, является переходным от яфетического типа к тюркским языкам. «Вершина, теоретически имеющая венчать все предшествующие стадии развития языка, – единая речь, общечеловеческая» [Марр

¹ «Горячаяковка металла обусловила, по мысли Н.Я. Марра, крутой хозяйственный переворот в истории соответствующих обществ, перестроилась вся структура их. На почве этих изменений и возникла индоевропейская система языков. По связи, согласно древнему мифу, имени легендарного Прометея с огнем, который играл выдающуюся роль при ковке металлов, Н.Я. Марр дал индоевропейской системе языков второе название – прометеидской» (цит. по [Быковский 1933: 26]).

1936: 195]. Однако изображать этот единый мировой язык Марр не стал, так как эта картинка уже не имела бы ничего общего с деревом: невозможно представить себе дерево, все ветви которого вновь срастаются в единый ствол. Древо Марра вызывает множество вопросов, например, современный французский язык, утративший разветвленную систему флексий, Марр располагает ближе к яфетическим языкам, чем к древним индоевропейским¹ и т. п.

Выступая против «формализма» сравнительно-исторического языкознания, Марр предложил рассматривать язык в неразрывной связи с мышлением: «Мышление и язык неразлучны». Справедливости ради надо отметить, что о неразрывной связи языка и мышления говорили лингвисты еще со времен В. фон Гумбольда, поэтому Марр и здесь не выступил новатором, но он поставил задачу выяснения связи языка и мышления со всей свойственной ему решимостью, пытался обнаружить особенности мышления в структуре значений слов, особое внимание уделив выяснению развития значений слов, изменению семантики и т. п.² Пытаясь определить степень влияния социальных преобразований на развитие языка, лингвисты изучали язык революционной эпохи, язык периода социальных потрясений, экономических реформ и т. п. Причем основным предметом изучения становилась лексика, поскольку именно словарный состав наиболее чутко реагирует на подобного рода изменения. Достаточно назвать работы А.М. Селищева, Л.П. Якубинского, С.И. Карцевского и др. Однако и здесь Марр провозгласил свою идею как новаторскую, идущую вразрез с буржуазной наукой. Он писал: «По сей день индоевропейская лингвистика работает формальным методом и, сосредотачивая свое внимание на фонетике и морфологии, отводит словарь на второстепенное место, абсолютно не учитывает явлений семантики, учения о значениях слов, закономерно вытекающих из связи языка с этапами развития хозяйственно-общественной жизни» [Марр 2001: 179]. Марр «указал на классовую сущность языка и мышления в классовом обществе» [Быковский 1933: 40]. Он утверждал, что язык грузинских крестьян ближе к языку баскских крестьян, чем к языку грузинской аристократии. Понятно, что подобного рода заявления были подкрепляемы эмоциями и восторженными речами, а не языковыми фактами.

Марра невозможно обвинить в консерватизме и косности, яркой особенностью его творчества была постоянная изменчивость. Марр непрерывно перестраивал не только чужие, но и свои гипотезы, зачастую новые заявления противоречили старым, иногда мэтр сам забывал, какое именно мнение он высказал относительно фактов того или иного языка, предлагал совершенно различные, отрицающие друг друга этимологии и интерпретации значения слов и т. п.³ Излагать учение Марра трудно было даже его последователям и преданным ученикам; методички, предлагаемые студентам филологических факультетов, приходилось постоянно переиздавать: уче-

¹ Впрочем, Марр вообще не считает, что французский язык утратил флексии; согласно Марру, он их вообще не имел, поэтому как язык простой структуры стоит ближе к яфетическим языкам, а латинский уже отошел от яфетических, превратившись в индоевропейский язык, принадлежащий уже следующей стадии.

² Опять нельзя сказать, что Марр был пионером в этом направлении, достаточно назвать работы М.М. Покровского, Г. Пауля, Г. Шухардта и др. по исторической семантике.

³ К.Д. Дондуа, ученик Марра, вспоминает, как однажды Марр предложил этимологию одного слова. «Я напоминаю ему, как еще недавно это же самое слово он анализировал иначе. Николай Яковлевич весело смеется и, почесав по привычке затылок, каким-то особенным, таинственным голосом говорит: “Горшечник с какой стороны захочет, с той стороны и приделает ушко к горшку”. Это грузинская пословица» [Дондуа 1975: 253].

ние Марра постоянно меняло свой облик, переливаясь новыми идеями и фактами, потому что было основано на богатой фантазии автора. «Палеонтологией вскрыто, что значения слов возникли не по каким-либо физическим или иным свойствам предмета, а по его функции. На термин “хлеб” перешло название “дуба” или “желудя”, служившего раньше в роли хлеба. На “лошадь” перешло название “собаки”, службу которой в роли животного для передвижения стала отправлять “лошадь”. Также “дом” получил свое название не по материалу, не по форме, а по функции служить “покровом”, “защитой”, т. е. по слову, значившему прежде всего “небо”, “верх”, “крышка”, “покрышка”, “покров”, “сень” и т. п.» [Марр 2001: 183]¹. И далее «форма без учета смысла в палеонтологическом освещении неизбежно вводит в заблуждение... Лишь учет значимости в палеонтологическом освещении вскрывает подлинное положение вещей, укрытое за семью печатями при одном формальном подходе. Так, в терминах космического круга у русского с немецким, казалось бы, нет ничего общего, ибо, например, “земля” по-немецки Erde, а “небо” Himmel, но по палеонтологии речи первоначально не только “небо” и “земля”, но и “море”, как три космические предмета, носили одно и тоже название: “небо” означало и “небо” (“небо¹”), и “землю” (“небо²”), и “море” (“небо³”). Поэтому нем. “Himmel” и русск. “земля”, в архетипе на почве языков яфетической системы одинаково двухэлементные, одинаков из АВ элементов (hi-mel ze-mel), лишь разновидности – сибилантная (ze-mel) и спирантная (hi-mel) – одного и того же слова, означавшие каждая и “небо”, и “землю”, и “море”» [Марр 2001: 186].

Марр писал не только о семантических законах, но и о развитии грамматического строя языка. «Марр разъяснил ряд грамматических категорий в качестве отражения общественных отношений, различных их исторических состояний... Так, например, выводы о возникновении местоимений в связи с зачатием частной собственности, выводы о возникновении единственного числа после формального образования множественного числа и т. д. – служат к обоснованию на лингвистическом материале теории первобытного коммунизма» [Быковский 1933: 70].

Итак, кипучая натура Марра требовала грандиозных теоретических построений вплоть до отрицания всего старого языкознания и создания «нового учения об языке». Не владея методом лингвистического анализа, будучи скорее филологом и культурологом, а не лингвистом, он не стремился к строгому доказательству своих гипотез при помощи точных методов лингвистического анализа, более того, сами аксиомы – исходные положения его учения – были абсолютно произвольны и недоказуемы, и вот на этом шатком фундаменте Марр пытался воздвигнуть здание новой лингвистики. Не удивительно, что его теоретические построения рассыпались, как картонный домик. Но сила и обаяние его личности, пылкая убежденность в правоте своих слов, стремление перестроить старую науку и поставить перед языкознанием новые важные задачи – все это привлекало многочисленных сторонников и учеников.

Яркая и страстная натура ученого оживает в воспоминаниях его учеников. Вот как характеризовала Марра О. Фрейденберг: «Марр не объективен; он весь – при страстие и страсть, и отдается порыву, бурно бросаясь с головой без остатка в стихию борьбы...» [Фрейденберг 2001: 428]. И далее «Это был человек великой умственной страсти. Он весь, с совершенно исчерпывающей силой, был отдан еди-

¹ О смелости семантических сопоставлений свидетельствуют названия статей Марра: «О “небе” как гнезде предназначений», «“Смерть” ← “преисподняя” в месопотамско-эгейском мире», «“Зима” || “смерть” (из палеонтологии речи)», «О полигении семантики (“брат” и “кровь”», «Яфетические перживания в классических языках и «вера» в семантическом кругу “неба”» и т. п.

ной творческой мысли – только одной своей теорией. Бодрствование – была стихия Марра... Его голова всегда была полна языковыми материалами, и он ошарашивал встреченного знакомого, вываливая ему прямо и без подготовки пригоршню слов и только за секунду перед тем их вскрытых значений» [Фрейденберг 2001: 436–437].

Ученики вспоминали, что у Марра «не было и не могло быть застывших курсов, в его лекциях всегда чувствовался трепет жизни, трепет создающейся науки (со всеми ее удачами и неудачами)» [Дондуа 1975: 247].

Грандиозность поставленных Марром задач поражала и вдохновляла современников: это и проблема связи языка и мышления, вопрос о происхождении языка и об общих законах языкового развития, об изменении значений слов в ответ на социально-экономические изменения общества и т. п. Конечно, на многие вопросы Марр давал совершенно фантастические ответы, но некоторые наблюдения Марра и сейчас поражают прозорливостью, чутьем великого ученого.

Отдавая дань полету научной мысли, энергии и страстности своего учителя – Марра, В.И. Абаев писал: «Вероятно, “осторожные” крохоборы, не совершающие ошибок, тоже нужны в науке, как нужен балласт для аэростата, слишком стремительно рвущегося ввысь. Но в перспективе времени мятежные творческие натуры, как Марр, со всеми их ошибками, займут более высокое место в истории науки» [Абаев 2006: 98]¹.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В.И. Н.Я.Марр (1864–1934). К 25-летию со дня смерти // Абаев В.И. Статьи по теории и истории языка. М.: Наука, 2006. С. 87–98.

Алпатов В.М. Громовержец (Н.Я. Марр) // Алпатов В.М. Языковеды, востоковеды, историки. М.: Языки славянских культур. 2012. С. 9–30.

Быковский С.Н. Марр и его теория. М.; Л. 1933. 99 с.; 1 л. портр.

Гамкрелидзе Т.В. Об одной лингвистической парадигме // Вопросы языкознания. М., 2005. № 2. С. 3–6.

Дондуа К.Д. Николай Яковлевич Марр. К 15-й годовщине со дня смерти // Дондуа К.Д. Статьи по общему и кавказскому языкознанию. Л.: Наука, 1975. С. 247–253.

Крушевский Н. К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма // Крушевский Н. Избранные работы по языкознанию. М. 1998. С. 71–95.

Марр Н.Я. О происхождении языка // Марр Н.Я. Избранные работы: В 5 т. Т. 2: Основные вопросы языкознания. Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 179–209.

Марр Н.Я. Язык // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания: Антология / Отд-ние лит. и языка Рос. акад. наук, О-во любителей рос. словесности; Сост. В.Н. Базылев и В.П. Нерознак; Под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 2001. С. 177–187.

¹ Современные лингвисты говорят о Марре как об ученом, обладавшем «тончайшей научной интуицией, доходившей порой до гениальности» [Гамкрелидзе 2005: 5]. А палеонтологический анализ Марра, выявляющий структуру языкового механизма, сравнивают с генетическим кодом, передающим информацию о наследственности в молекулярной биологии. «Глоттогоническая теория Н.Я. Марра не имеет под собой никаких рациональных оснований. Она противоречит и логике современной теоретической лингвистики, и языковой эмпирии, и в этом смысле она иррациональна. Но теория эта, представляющая своеобразную структурную модель некоей семиотической системы, весьма близкой к генетическому коду, не иррелевантна для науки и может служить иллюстрацией проявления в ученом интуитивных и неосознанных представлений о структуре генетического кода, очевидно, подсознательно скопированных им при создании оригинальной модели языка» [Гамкрелидзе 2005: 5].

Март Н.Я. Яфетические зори на украинском хуторе // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания: Антология / Отд-ние лит. и языка Рос. акад. наук, О-во любителей рос. словесности; Сост. В.Н. Базылев и В.П. Нерознак; Под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 2001. С. 22–272.

Фрейденберг О.М. Воспоминания о Марре // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания: Антология / Отд-ние лит. и языка Рос. акад. наук, О-во любителей рос. словесности; Сост. В.Н. Базылев и В.П. Нерознак; Под общ. ред. В.П. Нерознака.. М.: Academia, 2001. С. 425–442.

REFERENCES

Abaev V.I. N.Ya. Marr (1864–1934). To the 25th Anniversary of the Death. In: Abaev V.I. The Articles on the Theory and History of Language. Moscow. Nauka Publ. 2006, pp. 87–98.

Alpatov V.M. Zeus (N.Ya. Marr). In: Alpatov V.M. Linguists, Orientalists, Historians. Moscow. Yazyki Slavjanskikh Kultur Publ. 2012, pp. 9–30.

Bykovsky S.N. Marr and His Theory. Moscow; Leningrad. 1933. 99 p.; 1 il.

Gamkrelidze T.V. About One Linguistic Paradigm. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*. Moscow. 2005. No 2, pp. 3–6.

Dondua K.D. Nikolay Yakovlevich Marr. To the 15th Anniversary of the Death. In: Dondua K.D. The Articles on General and Caucasian Linguistics. Leningrad. Nauka Publ. 1975, pp. 247–253.

Frejdenberg O.M. Memories of Marr. In: Twilight of Linguistics. From the History of Russian Linguistics: Anthology / Eds.: V.N. Bazylev, V.P. Neroznak. Moscow. Academia Publ. 2001, pp. 425–442.

Krushevsky N. On the Question of Guna. Research in Old Slavic Vocalism. In: Krushevsky N. The Selected Works on Linguistics. Moscow. 1998, pp. 71–95.

Marr N.Ya. On the Origin of Language. In: Marr N.Ya. The Selected Works: In 5 vols. Vol. 2: The Main Questions of Linguistics. Leningrad. 1936, pp. 179–209.

Marr N.Ya. A Language. In: Twilight of Linguistics. From the History of Russian Linguistics: Anthology / Eds.: V.N. Bazylev, V.P. Neroznak. Moscow. Academia Publ. 2001, pp. 177–187.

Март Н.Я. Japhetic Dawns at Ukrainian Khutor. In: Twilight of Linguistics. From the History of Russian Linguistics: Anthology / Eds.: V.N. Bazylev, V.P. Neroznak. Moscow. Academia Publ. 2001, pp. 22–272.

Сведения об авторе:

Оксана Анатольевна Волошина,
канд. филол. наук
доцент
кафедра общего
и сравнительно-исторического языкознания
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Oksana A. Voloshina,
PhD
Associate Professor
Department of General
and Comparative-Historical Linguistics
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
oxanav2005@mail.ru